

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

**КРАЙ-
СВЕТА-
ЗА ПЕРВЫМ
УГЛОМ**

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

КРАЙ СВЕТА -
ЗА ПЕРВЫМ УГЛОМ

СТИХИ И ПОЭМЫ

Книжка Ю. Кузнецова
«Край света — за первым углом»
издана в Москве в 1976 году
в количестве 1000 экземпляров
в переплетной обложке
К 10102-121
К 10102(02)-121

«СОВРЕМЕНИК»
МОСКВА · 1976

P2
K89

Кузнецов Ю. П.

K89 Край света — за первым углом. Стихи и поэмы. М., «Современник», 1976.

142 с.

В новую книгу поэта вошли стихи и поэмы, в которых своеобразно преломлен духовный опыт послевоенного поколения. Тематика ее широка: мир и война, родина и семья, любовь и товарищество.

Для стихов характерны многозначность образа, емкость слова, энергичный жест.

К $\frac{70402-124}{M106(03)-76}$ 113-76

P2

1

* * *

Орлиное перо, упавшее с небес,
Однажды мне вручил прохожий или бес.

— Пиши!—он так сказал и подмигнул хитро.—
Да осенит тебя орлиное перо.

Отмеченный случайной высотой,
Мой дух восстал над общей суетой...

Но горный лед мне сердце тяжелит.
Душа мятется, а рука парит.

* * *

Бывает у русского в жизни
Такая минута, когда
Раздумье его об отчизне
Сияет в душе, как звезда.

Ну как мне тогда не заплакать
На каждый зеленый листок!
Душа, ты рванешься на запад,
А сердце пойдет на восток.

Родные черты узнавая,
Иду от Кремлевской стены
К потемкам ливонского края,
К туманам охотской волны.

Прошу у отчизны не хлеба,
А воли и ясного неба.
Идти мне железным путем,
И зреть, что случится потом.

ЧЕТЫРЕСТА

Четыре года моросил,
Слезил окно свинец.
И сын у матери спросил:
— Скажи, где мой отец?

— Пойди на запад и восток,
Увидишь, дуб стоит.
Спроси осиновый листок,
Что на дубу дрожит.

И сын на запад и восток
Послушно пошагал.
Спросил осиновый листок,
Что на дубу дрожал.

Но тот осиновый листок
Сильней затрепетал.
— Твой путь далек, твой путь далек,—
Чуть слышно прошептал.

— Иди куда глаза глядят,
Куда несет порыв.
— Мои глаза давно летят
На Керченский пролив.

И подхватил его порыв
До керченских огней.
Упала тень через пролив,
И он пошел по ней.

Но прежде чем на синеву
Опасную шагнуть,
Спросил народную молву:
— Скажи, далек ли путь?

— Ты слишком юн, а я стара,
Господь тебя спаси.
В Крыму стоит Сапун-гора,
Ты у нее спроси.

Весна ночной миндаль зажгла,
Суля душе звезду,
Девице — страсть и зеркала,
А юноше — судьбу.

Полна долина под горой
Слезами и костью.
Полна долина под горой
Цветами и детьми.

Собирают в чашечках свинец
Рои гремучих пчел.
И крикнул сын: — Где мой отец?
Я зреть его пришел.

Гора промолвила в ответ,
От старости кряхтя:
— На полчаса и тридцать лет
Ты опоздал, дитя.

Махни направо рукавом,
Коли таишь печаль.
Махни налево рукавом,
Коли себя не жаль.

По праву сторону махнул
Он белым рукавом.
Из вышины огонь дохнул
И грянул белый гром.

По леву сторону махнул
Он черным рукавом.
Из глубины огонь дохнул
И грянул черный гром.

И опоясалась гора
Ногтями — семь цепей.
Дохнуло хрипкое «ура»,
Как огонь из-под ногтей.

За первой цепью смерть идет,
И за второю смерть,
За третьей цепью смерть идет,
И за четвертой смерть,

За пятой цепью смерть идет,
И за шестою смерть,
А за седьмой — отец идет,
Сожжен огнем на треть.

Гора бугрится через лик,
Глаза слезит свинец.
Из-под ногтей дымится крик:
— Я здесь, я здесь, отец!

Гора промолвила в ответ,
От старости свистя:
— За полчаса и тридцать лет
Ты был не здесь, дитя.

Через военное кольцо
Повозка слез прошла.
Но потеряла колесо
У крымского села.

Во мгле четыреста солдат
Лежат — лицо в лицо.
И где-то тридцать лет подряд
Блуждает колесо.

В одной зажатые горсти
Лежат — ничто и всё.
Объяла вечность их пути,
Как спицы колесо.

Не дуб ли на поле сронил
Листок свой золотой,
Сын буйну голову склонил
Над памятной плитой.

На эту общую плиту
Сошел беззвездный день.
На эту общую плиту
Сыновья пала тень.

И сын простер косую длань,
Подобную лучу.
И сын сказал отцу: — Восстань!
Я зреть тебя хочу...

Остановились на лету
Хребты и облака.
И с шумом сдвинула плиту
Отцовская рука.

Но сын не слышал ничего,
Стоял как в сумрак день.
Отец нащупал тень его —
Отяжелела тень.

В земле раздался гул и стук
Судеб, которых нет.
За тень схватились сотни рук
И выползли на свет.

А тот, кто был без рук и ног,
Зубами впился в тень.
Повеял вечный холодок
На синий божий день.

Шатало сына взад-вперед,
Он тень свою волок.
— Далек ли путь? — пытал народ.
Он отвечал: — Далек.

Он вел четыреста солдат
До милого крыльца.
Он вел четыреста солдат —
И среди них отца.

— Ты с чем пришел? — спросила мать.
А он ей говорит:
— Иди хозяина встречать,
Он под окном стоит.

И встала верная жена
У тени на краю.
— Кто там? — промолвила она. —
Темно. Не узнаю...

— Кто там? — твердит доньне мать.

А сын ей говорит:

— Иди хозяина встречать,

Он под окном стоит...

— Россия-мать, Россия-мать, —

Доньне сын твердит, —

Иди хозяина встречать,

Он под окном стоит.

КОЛЕСО

Колесо навстречь криво катится,
Быстрым-быстрое, и внутри пятно.
Стал я спрашивать: — Ты откуда
Оторвалося? Куда держишь путь? —
Но молчит оно, мимо катится,
Только звон гудит, только пыль стоит.
Прокатилось, промоталось
По плакун-траве и по трын-траве.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шел отец, шел отец невредим
Через минное поле,
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернет...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идет
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Святят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждет, —
Через поле и пашню
Столб крутящейся пыли бредет,
Одинокий и страшный.

ГИМНАСТЕРКА

Солдат оставил тишине
Жену и малого ребенка,
И отличился на войне...
Как известила похоронка.

Зачем напрасные слова
И утешение пустое?
Она вдова, она вдова...
Отдайте женщине земное!

И командиры на войне
Такие письма получали:
«Хоть что-нибудь верните мне...» —
И гимнастерку ей прислали.

Она вдыхала дым живой,
К угрюмым складкам прижималась,
Она опять была женой.
Как часто это повторялось!

Годами снился этот дым,
Она дышала этим дымом —
И ядовитым, и родным,
Уже почти неуловимым.

...Хозяйка юная вошла.
Пока старуха вспоминала,
Углы от пыли обмела
И — гимнастерку постирала.

ОТЕЦ КОСМОНАВТА

Вы не стойте над ним,
вы не стойте над ним, ради бога!
Вы оставьте его с недопитым стаканом своим.
Он допьет и уйдет, топнет оземь: — Ты кто?
— Я дорога.
Тут монголы промчались —
никто не вернулся живым.

— О, не надо, — он скажет.
— Не надо о старой печали.
Что ты знаешь о сыне, скажи мне о сыне родном.
Не его ли следы на тебе эту пыль размагали?..
— Он пошел поперек, ничего я не знаю о нем.

На родном пепелище, где угли еще не остыли,
образ женской печали
возникнет как тень перед ним.
— Я ходил на дорогу, — он скажет, —
а в доме гостили...
— Ни французы, ни немцы —
никто не вернулся живым.

— О, не надо, — он скажет.
— Не надо, есть плата дороже.
Что ты знаешь о сыне, скажи мне о сыне родном.
Ты делила с ним стол и ночей сокровенное ложе...
— Он пошел поперек, ничего я не знаю о нем.

Где же сына искать?
Ты ответь ему, Спасская башня!
О, медлительный звон!
О, торжественно-дивный язык!
На великой Руси были, были сыны бесшабашней,
Были, были отцы безутешней, чем этот старик.

Этот скорбный старик
не к стене ли Кремля обратился,
Где пропавшего сына начертано имя огнем:
— Ты скажи,
неужели он в этих стенах заблудился?..
— Он пошел поперек, ничего я не знаю о нем.

Где же сына искать, где искать,
ты ответь ему, небо!
Провались, но ответь,
но ответь ему, свод голубой, —
и звезда, под которой мы страждем любви и хлеба,
да, звезда,
под которой проходит и смерть, и любовь!

— О, не надо, — он скажет.
— Не надо о смерти постылой.
Что ты знаешь о сыне, скажи мне о сыне родном.
Ты светила ему, ты ему с колыбели светила...
— Он прошел сквозь меня, ничего я не знаю о нем.

* * *

Над родиной встанет солнце,
Над морем встанет скала,
Над женщиной встанет крыша,
А над мужчиной — звезда.

Ворон взлетит над прахом,
А над чужбиной — дым.
И вырвет дубы с корнями
Над именем русским моим.

ДУБ

То ли ворон накликнул беду,
То ли ветром ее насквозило,
На могильном холме — во дубу
Поселилась нечистая сила.

Неразъемные кольца ствола
Разорвали пустые разводы.
И нечистый огонь из дупла
Обжигает и долы и воды.

Но стоял этот дуб испокон,
Не внимая случайному шуму.
Неужель не додумает он
Свою лучшую старую думу?

Изнутри он обглодан и пуст,
Но корнями долину сжимает.
И трепещет от ужаса куст
И соседство свое проклинаят.

* * *

Его повесили враги
На уцелевшей ветви.
И память стерли как могли,
Что был такой на свете.

Не знали люди ничего.
Но лист кружился рядом
И говорил:

— Я знал его,
Он был мне сводным братом.

БАБОЧКА

Я стоял на посту,
на котором стреляют на шорох,
если желают живыми вернуться домой.
В воздухе стало странно мерцать и блеснуть,
и я уловил в нем дыхание лишнего звука.
По долине катился
копошащийся шепот, шуршание, шелест и плеск
туго сцепившихся бабочек.
Циклон насекомых накрыл меня с головой.
Я задохнулся, ослеп и упал,
но, вспоминая, стрелял —
три раза, и все наугад.
Как только рассеялось,
я обнаружил в долине
три длинные тени расстрелянных бабочек,
отброшенные от меня.
Две уходили вдаль,
а третья была покороче
и обрывалась о темный предмет.

Я подошел,
по нити запекшихся тварей
я подошел.
Это был человек,
в его теле порхала последняя бабочка.

Есть глубинный расчет в этом слове мирском,
Бесшабашность и мудрость с запечным зевком,
Свист незримой стрелы, шелестенье в овсе,
Волчье эхо и весть о заблудшей овце,
Русский сон наяву и веселие риска,
Славный путь напролом и искус василиска.
На авось отзывается эхо: увы!
Сказка русского духа, и ключ от Москвы.

О миг! Это камень проснулся
И мира пустого коснулся,
И каменным стал этот мир.
Все сущее камень сломил.

Дороги назад оглянулись,
Все стороны света замкнулись,
И молния в камень ушла...

И камню открылась душа.

ГОРНЫЕ КАМНИ

В горной впадине речка ревела,
Мощный корень камнями дробя.
Но зеленое дерево въело
Те огромные камни в себя.

И — мучительно принятых в тело
Вознесло над бесплодной землей.
Как детей безобразных, одело
Терпеливой плакучей корой.

Раскаленный под солнцем высоким,
Камень тело корявое рвал.
Стукнул дятел в кремень ненароком,
Искру высек и где-то пропал...

Что там дышит и просит ответа,
И от боли кричит в забытьи?!
Это камни скрежещут от ветра,
Это, дерево, камни твои.

КАКТУС

Самолет оторвался от верной земли,
И подошвы повисли в пыли.

Гений плоскости смутно почуял подвох,
Потому что земля — из-под ног.

За спиною — старуха сидела с мешком,
Молодые с цветочным горшком.

Да дитя, не спускавшее с кактуса глаз,
Ибо кактус цветет только раз.

А еще футболист, и солдат в отпуску...
Самолет набирал высоту.

Отступись, человек! Вот граница небес!
Самолет в мирозданье исчез.

За минуту, когда он свободу обрел,
Неожиданно кактус расцвел.

* * *

Глядишь на небо в час ночной.
Скажи, о чем твой вздох глухой?
Кого любил, того забудь,—
Того насквозь прошел твой путь.
Рожденный женщиной земной,
Ты не заметил ничего,
Что стоит взгляда одного
На эти звезды в час ночной...

ЦВЕТЫ

Зачем цветы под этим небом,
Когда они не пахнут хлебом?
После дождя полны водой
Лиловой, желтой, голубой,
Или туманною прохладой
Стоят как дымка за оградой.
Явление необъяснимо,
Взгляни, порадуйся, и мимо!

Туман. Но дунет с моря ветер,
И словно стих в тебе возник.
И вспышки красные гвоздик
Темны на бледном полусвете.
Через толпу наискосок,
Как искра, пробежит цветок.
Вниманья знак? Души привет?..
Благоухает, гаснет след.

Переживает звездный час
Души безумие и мода,
И ледяная лжеприрода
Числа, бетона и пластмасс.
И полевой ромашки цвет
Не скажет сердцу «да» иль «нет».

Но аромата на поляне
Сквозит невидное сиянье.
Жар мать-и-мачехи блестит
И мелко воздух золотит.

И золотится эта ветка
В объемной мысли человека.
И обернулись тишиной
Души сомненья и тревоги.
Я шел. Травой пропахли ноги
И стали, собственно, травой.

Легко, свободно было там,
Где я читал стихи цветам.
Чернела брошенная лодка,
Светила в лилию луна.
Я был один и жизнь одна,
Душа смеялась беззаботно.
О, ночь фиалки и сверчка,
Ночь аромата и смычка!
Пронижет облаком меня
Фиалки нежное дыханье.
Любимой женщины дыханье
Пронижет молнией меня.

Цветы исполнены свободы,
Как простодушные народы.
Я видел в пламени и дыме
Людей, которых больше нет.
Летали пули между ними
И собирали жизни цвет.
Бил пулемет издалека —
Из голубого василька.
Прошел с огнем наперевес
По эдельвейсам — «Эдельвейс».

Я видел мертвые кусты,
Восстали поздние цветы.
Не плачь, родимая, о сыне!
К нему пути не отыскать.
Цветы — нашли его в долине,

Цветы нашли... утешься, мать.
А блеск цветов стоит на листьях
И на далеких детских лицах.

Цветы любви, цветы бессмертья,
Цветы железного столетья,
Я наугад раскрыл ваш том,
Он ни о чем — и обо всем.

ПАМЯТИ КОСМОНАВТА

Шел ты на землю с расчетом железным.
Только увидел ее —
Поторопился...

И стало небесным
Тело земное твое.

Где ты? Оплывшую грудку металла
В землю твой друг опустил.
Весь ты зарыт. А чего не хватало,
Черный металл возместил.

ОТЦЕПЛЕННЫЙ ВАГОН

Усыпил нас большой перегон,
Проводник и кондуктор исчезли.
Говорят, отцепили вагон
На каком-то безвестном разъезде.

Мы, не зная, из окон глядим.
Только поезд пройдет вдоль разъезда,
Нам покажется — мы не стоим,
А безмолвно срываемся с места.

Только он промелькнет — обнажится
То же зданьице, поле окрест.
То умчится, то снова примчится
Наш вагон на пустынный разъезд.

Что на могиле мне твоей сказать?
 Что не имел ты права умирать?

Оставил нас одних на целом свете.
 Взгляни на мать — она сплошной рубец.
 Такая рана видит даже ветер!
 На эту боль нет старости, отец.

На вдовьем ложе памятью скорбя,
 Она детей просила у тебя.

Подобно вспышкам на далеких тучах,
 Дарила миру призраков летучих —
 Сестер и братьев, выросших в мозгу...
 Кому об этом рассказать смогу?

Мне у могилы не просить участия,
 Чего мне ждать?..

Летит за годом год.

— Отец! — кричу. — Ты не принес нам счастья!.. —
 Мать в ужасе мне закрывает рот.

Я встретился с промозглым стариком.
 Глаза слезятся. — Что с тобой? — спросил я.
 — Мне в очи плюнул тот, кого убил я,
 И плачу я с тех пор его плевком.

РАЗДУМЬЕ

Тихий край. Невысокое солнце.
За околицей небо и даль.
Столько лет простоял у колодца
В деревянном раздумье журавль.

А живые — над ним пролетали
И прощально кричали вдали.
Он смотрел в журавлиные дали
И ведро волочил до земли.

Но когда почерневшую воду
Тронул лист на немой заре,
Он рванулся и скрылся из виду,
И зацвел на далекой земле.

Ослепленный алмазною пылью,
Он ветвями на север растет.
Ему рубят широкие крылья
И швыряют в дорожный костер.

А когда журавлиная стая
На родимую землю летит,
Он холодные листья роняет
И колодезным скрипом скрипит.

ОРИНОКО

В этом звуке таится родная печаль,
Полнота и покой, обретенная даль,
Ясность сонного сердца и стон изглубока:
Окликает Ока — Ориноко!

Все купил этот звук: голубей воркованье,
Гром упавшей короны и конское ржанье,
Гнев небес и сквозные античные хоры.
«Ориноко!» — прокаркает ворон.

Бормотание мысли, кующей звено,
Глас народа и зов, а куда — все равно,
И бывшего укор ненароком.

В этом звуке свобода останется жить,
И затеряна в нем ариаднина нить;
Ориноко — мое одиноко!

* * *

Вчера я ходил по земле, а сегодня
Хоть бейте мячом — мое место свободно.

А в мире, я слышал, становится тесно...
Займите, займите — свободное место!

Займите — и станете вечно скитаться,
И вам никогда пересечь не удастся

Пустыню, в которой блуждал я до срока;
Узнайте, как было до вас мне далеко!

* * *

Гулом, криками площадь полна,
Там качает героя толпа.
Он взлетает в бездонное небо.
Посулил ли он вечного хлеба,
Иль дошел до предела в числе,
Иль открыл, что нас нет на земле?..

Выше, выше! Туда и оттуда!..
Но зевнула минута иль век —
И на площади снова безлюдно...
И в пространстве повис человек.

РОДСТВО

Ребенок соломинку взял,
Увлекся простым подражаньем.
И радужный шар воссиял,
Наполненный чистым дыханьем.

Нечаянно ветер понес
Тот шар над простором открытым.
Он с севера мохом оброс,
А с юга расцвел гиацинтом.

Вздымая приливы свои,
Вода начала возмущаться.
И камень, поднявшись с земли,
Стал около шара вращаться.

И, чуя глухое родство,
Заброшенный пес — из потемок
Протяжно завыл на него.
И с плачем проснулся ребенок.

ВОДОЛЕЙ

Итак, я еду в сторону Кавказа,
На прочее давно махнул рукой.
Сулит душе утраченный покой
Свободное течение рассказа.
Я еду мимо пашен, мимо рек.
В окне земля российская мелькает,
Вблизи несется, дальше проплывает,
А далее стоит из века в век.
Что там стоит?.. Не храм ли Покрова?
Аль разъяренный силуэт Петра?

Рожденный в феврале под Водолеем
В самодовольный аварийный век,
Я вырос с инфантильным поколеньем,
Издерганный и точный человек.
Надежды запах стал несносно горек
И очерствел воспоминаний хлеб.
Я позабыл провинциальный город,
Где улицы выходят прямо в степь.

Был город детства моего — дыра,
Дыра зеленая и голубая.
И девочка была как мир стара,
Сияла, легкая и золотая.
На карусель мы сели, на скамью
Летучую и голубую.
Но закружило голову мою,
И я забыл зеленую свою
И первую и дорогую.

— А как живешь теперь?

— На алименты.

Вы слышите, друзья-интеллигенты?

— Я вспомнила! — воскликнула она. —

Тихоня, ты любил меня... О боже!

Как я смеялась в девочках!.. Постой же!

Куда? Уж поздно...—

Да! И ночь темна.

И в прошлом ничего-то не найти,

А поезд мой давно уже в пути.

И площадь привокзальная пуста,

И скука ожидальная остра.

Но вот машина. Морда между делом
Зевает.

На борту во всю длину

Намараны скрипучим школьным мелом

Два слова:

«Перегоним сатану!»

Вот кстати! Грузовик остервенело

Понесся.

Я нагнал остывший чай

На следующей станции. Прощай,

Острота ада!..

И душа запела

О свежести, утраченной давно...

За прошлогодним снегом еду в горы.

— Чуть было не отстал!

— А поезд скорый, —

Сказал сосед, — отстать не мудрено.

ДЕТСКОЕ ПРИЗНАНИЕ

На хворостине я въехал на гору Парнас,
Слышал Гомера, но тот оборвал свой рассказ.

Это молчанье стоит до сих пор на земле.

— Дать ему слово! — сказал чей-то голос во мгле.

Тут хворостина возьми и заржи — в ассонанс
Ей по ошибке откликнулся сонный Пегас.

— Скучное время, — поморщился Гете и встал,
Взял хворостину и ею меня отстегал.

**СМУТНАЯ МЫСЛЬ
ЛЕТОМ В ГОРАХ**

За личной жизнью я забыл почти
О городах без разума и сердца.
Я надевал от огненного солнца
Холодные блестящие очки.

Обугленные видел силуэты
На склоне металлического цвета.
Свинцовой искрой по снегу следил,
Брал тусклый снег и острый ком лепил.

В слепящий полдень все живое смолкло.
Размытая сквозь дымчатые стекла,
Ты проходила медленным шажком,
В тебя я бросил вспыхнувшим снежком.

У ног моих упала ты во мраке,
Неверно защищаясь и дразня.
Язычески вдруг протянулись руки,
Как на затмение солнца, на меня.

Перед собой не видя ничего,
Шагнул, и разминулся, и не понял.
От смутной мысли я очки приподнял,
Рванул очки — а на земле черно!

* * *

Слезы вечерние, слезы глубокие...
Больно, о, больно смотреть!
Что-то такое в вас есть одинокое.
Взял да забросил я сеть.

Но тяжело ее было вытаскивать,
Видно, что чем-то полна.
Вытащил рыбку и стал ее спрашивать,
Только немая она.

ДИВАН

Пушкин погиб. Чаадаев замкнулся, скучая.
Сны не сбылись, от прошедшего нет и следа.
На полуслове за чашкою русского чая
Нечто иное увидел и смолк навсегда.

Пушкин забыт. Чаадаева помнить не надо.
Только хозяин показывал гостю порой
Старый диван — две отметины круглые рядом, —
Это сидели друзья, прислонясь головой.

Часто хозяин, пустым восклицаньем задетый,
Гостя одергивал:

«Тише, они говорят!»

Умер и он, роковой не дослушав беседы...
Только однажды ворвался как буря солдат.

Облако пыли взметнул в тишине именитой,
Нищий хозяин, учитель отца своего.
Рухнул на барский диван и заснул как убитый.
Вмятины встали, чтоб не тревожить его.

АТОМНАЯ СКАЗКА

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошел в направленье полета
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

— Пригодится на правое дело! —
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

МЕЖДУ ДВУХ ПОЕЗДОВ

В полосе запыленных цветов
Шли два вихря — попутный и встречный.
И запал между двух поездов
Сизый селезень противоречий.

Вырывали крыла друг у друга
Остротá и изнеженность юга —
И задумчивый северный свист,
А потом навсегда разошлись.

Он оправил кровавые перья,
Но под ними — пылит и свистит,
То вперед, то обратно летит,
И ему никогда не простит
Любопытства, тоски и доверья.

ЗЕМЛЯ ПОД НОГЯМИ

Я милой земли не хотел покидать,
Цепляясь ногтями за каждую пядь.

Дырявую лодку нечистая сила
Меж небом и морем с друзьями носила.

Но нет ни куста, ни креста у воды,
Виски горизонта у друга седы.

Я руки простер над пустыми водами:
«Земля!»

А земля — под моими ногтями!

Не хватит — последних друзей закопать,
Но хватит луну удержать.

На склоне вереск, крут обрыв...
 Суровый острый воздух.
 Души рассеянный порыв,

И Севера серьезность.

Крива сосна, безмерна высь,
 Равнина ждет полета.

И только свист, и только свист,

И Севера ворота.

В чистом поле гигант из земли возникал
 И горбатое солнце на запад толкал.

— Помоги! — говорил он. — Стань братом моим.
 Есть ли время — мы этот вопрос разрешим.

Ты змеиную мудрость узлом затяни,
 Просвистевшую пулю — еще подтолкни.

Ты в любви не минувшим, а новым богат,
 Подтолкни уходящую женщину, брат.

И ледник, что спешит за улиткой вослед,
 Подтолкни: он ползет уже тысячи лет.

БАЛЛАДА ОБ УШЕДШЕМ

Среди стен бесконечной страны
Заблудились четыре стены.
А среди четырех заблудился
Тот, который ушедшим родился.

Он лежал и глядел на обои,
Вспоминая лицо дорогое.
И потеки минувших дождей
На стене превратились в людей.

Человек в человеке толпится,
За стеною стена шевелится.
— Дорогое лицо, отпусти!
Дай познать роковые пути.

Невозможные стены и дали
Не такой головой пробивали...—
Так сказал и во тьме растворился
Тот, который ушедшим родился.

Он пошел по глухим пропастям,
Только стены бегут по пятам,
Только ветер свистит сумасшедший:
— Не споткнись о песчинку, ушедший!

ЯБЛОКО

Околдовали яблоню в тиши
Дремотные видения души.
Но вдруг из сада столб огня взвился,
То яблоко упало — в небеса.
Поодиночке яблоки взлетали —
Огня и аромата вертикали.

Все улетели, но одно осталось,
Со мною расставаться не решалось.
В нем маленькая фурия сидела
И не мигая на меня глядела.

Душою я невольно потянулся
За яблоком. Чего она глядит?
Но впал я в сон, и больше не проснулся...
А яблоко возьмите, улетит.

Се — последние кони! Я вижу последних коней.
Что увидите вы?
Воронья! Как мчатся! Сильней и сильней!
Разнесут до Москвы.

Словно мне говорят: ничего! Мы покажем себя,
Разогнать бы печаль.
Божьей дланью срывает мне шапку со лба.
А! Мне шапки не жаль.

Топот, ржанье, окраина... хутор мелькнул.
Дед, я знаю, один.
Вышел он, поглядел и рукою махнул:
— Пропадай, сукин сын!

Завижу ли облако в небе высоком,
Примечу ли дерево в поле широком, —
Одно уплывает, одно засыхает...
А ветер гудит и тоску нагоняет.

Что вечного нету — что чистого нету.
Пошел я шататься по белому свету.
Но русскому сердцу везде одиноко...
И поле широко, и небо высоко.

* * *

Из земли в час вечерний, тревожный
Вырос рыбий бегущий плавник.
Только нету здесь моря! Как можно!
Вот опять в двух шагах он возник.

Вот исчез. Снова вышел со свистом.
— Ищет моря, — сказал мне старик.
Вот засохли на дереве листья —
Это корни подрезал плавник.

СОТНИ ПТИЦ

В зимнем воздухе птицы сердиты,
То взлетают, то падают ниц.
Очертанья деревьев размыты
От насевших здесь сотнями птиц.

Суется, кричат — кто их дразнит?
День слонится в прозрачной тени.
На равнине внезапно погаснет
Зимний куст — это снова они.

Пеленою полнеба закроют,
Пронесутся, сожмутся пятном.
И тревожат, и дух беспокоят.
Что за тень?.. Человек за окном.

Человека усеяли птицы,
Шевелятся, лица не видать.
Подойдешь — он стремглав разлетится,
Отойдешь — соберется опять.

ХОЗЯИН РАССОХШЕГОСЯ ДОМА

Среди пыли, в разохшемся доме
Одинокий хозяин живет.
Раздраженно скрипят половицы,
А одна половица поет.

Гром ударит ли с грозного неба
Или легкая мышь прошмыгнет, —
Раздраженно скрипят половицы,
А одна половица поет.

Но когда на руках как сиянье
Нес подругу в заветную тьму,
Он прошел по одной половице,
И весь путь она пела ему.

* * *

Все сошлось в этой жизни и стихло.
Я по комнате кончил ходить.
Упираясь в морозные стекла,
Стал крикливую кровь холодить.

Я вчера в этом доме смеялся,
Кликнул друга, подругу привез.
И на радостях плакать пытался,
Но судьбы не хватило для слез.

Так стоял в этом смолкнувшем доме.
И на божий протаяли свет
Отпечатки вздетых ладоней
И от губ западающий след.

Я рванусь на восток и на запад,
Буду взглядом подругу искать.
Но останутся пальцы царапать
И останутся губы кричать.

Он вошел — старый дом словно ожил.
Ты сидела — рванулась не ты:
Проступили такие черты,
Что лицо на лицо не похоже.

Он еще не забрал, но уже
Ты его поняла по движенью.
Тс душа прикоснулась к душе,
То звезда зацепилась о землю.

Ни тонким платком, ни лицом не заметна,
Жила она.

(Души такие просты.)

Но слезы текли, как от сильного ветра...
Мужчина ей встретился — ты!

«Не плачь!» Покорилась тебе. Вы стояли:
Ты гладил, она до конца
Прижалась к рукам, что так нежно стирали...
О, если бы слезы с лица!

Ты выдержал верно упорный характер,
Всю стер — только платья висят.
И хочешь лицо дорогое погладить —
По воздуху руки скользят,

Пошла ты по красному лету
И встретила вихрь столбовой.
Блуждал он по белому свету,
А ты ему крикнула: стой!

За эту великую дерзость
Понес он тебя кувырком.
Морщинами тело изрезал
И волосы спутал клубком.

С обрывками старой газеты
И с пылью в холодном краю
Смешал и развеял по свету —
Он детскую душу твою.

Зеленая птица свистит за окном,
Ты крошишь ей хлеб на блюде.
Зеленая птица хлеба не ест,
Но рвет твои белые груди.

И долго ты ловишь пропавший свист
Своим онемелым телом.
И зеленеет твое кольцо
На безымянном белом.

БАЛЛАДА О СТАРШЕМ БРАТЕ

Он взял чемодан из фанеры
И самый дешевый билет.
Где-то на Сахалине
Канул на много лет.

Шляпу надел. Утратил
Провинциальный стыд.
Как соловей-разбойник,
Зуб золотой блестит.

Невеста и мать увяли,
Когда он богатым стал.
А младший брат отвернулся,
Поскольку ворон считал.

И вот в дорогом вагоне
За дорогой билет
Назад старший брат отпрянул,
Смотрит — а дома нет.

Душа перед ним возникла,
Угасшая, как закат.
— Тьфу, тьфу, — через зуб он сплюнул, —
А где же мой младший брат?

— Не знаю... — в ответ услышал. —
Но я у тебя одна.
— Я взял бы тебя с собою,
Но женщина — не верна.

Он свистнул друзей забытых —
Залаяли псы на свист.
Навстречу никто не вышел,
И в воздухе свист повис.

Он шляпу свою оставил
И зуб золотой загнал.
Еле наскреб на дорогу,
Скверней которой не знал.

Прошла седина сквозь годы.
Забылся он странным сном,
Что разгребает щебень
Там, где стоял их дом.

Хватил каблуком о землю.
— Куда меня черт занес! —
И, вихрь подымая, поезд
Обратно его повез.

Он ехал. Но путь обратный
Такой получил разгон,
Что с воем и свистом мимо
Промчался его вагон.

Да! С воем и свистом мимо
Промчался его вагон.
Успел он заметить женщину,
В которую был влюблен.

Едва он успел заметить
Вернейшую из теней,
Ее отшвырнуло вихрем,
И он позабыл о ней.

На мысли о младшем брате
Себя он хотел поймать...
Но правду о младшем брате
Вам еще рано знать.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Где ты, мальчик насмешливый, властный?
Вижу светлый твой облик во мгле.
Десять лет ожиданий и странствий
Миновало на этой земле.

Ты твердил:

«К тридцати успокоюсь,
К тридцати невозможным своим —
Застрелюсь или брошусь под поезд...»
Ты хотел умереть молодым!

Вспомнил, вспомнил я эти заветы,
К роковым тридцати подойдя...
Отказали твои пистолеты,
Опоздали твои поезда.

Завещаний мальчишеских иго
Я свободе решил предпочесть.
Не написана лучшая книга,
Но небесные замыслы есть.

Не кори меня, мальчик, не сетуй...
Ничего, на другие года
Сохраню я твои пистолеты,
Подожду я твои поезда.

ПОСЕЩЕНИЕ

Гитара-балалайка,
Победная струна.
Достань гостям, хозяйка,
Зеленого вина.
Пускай шумит хозяин,
Пустая трин-трава.
Ребята, мы гуляем
До самого утра.
А чтобы спозаранку
Не шибко горевать,
Мы старую гулянку
Не станем продолжать.
А головой качнем
И новую начнем.

МЕЛ

От зноя в душном воздухе иглится
Седая грань. Простор туманно-бел.
В горах сквозь мелко скрученные листья
Дымится глыба, отливает мел.

В кустарнике печет и слышен плеск
Сухого зноя, трущихся потоков.
Слепит глаза и обжигает блеск
Воздушной толчеи, возникших стекол.

Я запустил слепящий камень ввысь —
Он высек в зное белый кипарис.

Еще один косым углом вонзился
В пустое небо!

О, пойдем со мной
Туда, где роща белых кипарисов
Восстала над бесплодною землей.

Нет в городе весны. Есть лето и зима.
 И тени ни одной.
 Внезапен переход. И грань знобит сама:
 Снег переходит в зной.
 Ты глянул: снег идет. Оделся на ходу...
 Но попадешь как раз
 Из духоты квартир в другую духоту,
 Где дышит зной на нас.
 На лето лед хранят, а в ледяной порыв
 Огонь берут взаймы.
 Ты воздуха лишен, смягчающего взрыв
 То лета, то зимы.
 Спи, осень! Спи, весна! Преданье старины...
 Ты — житель городской,
 И снегом заметен с холодной стороны,
 Сожжен огнем с другой.

Мчался поезд обычного класса,
 Вез мечты и проклятья земли.
 Говорят, впереди через насыпь
 Серебристые змеи ползли.

Людям снилась их жизнь неуклонно,
 Снился город, бумаги в пыли,
 Но колеса всего эшелона
 На змеиные спины сошли.

Все сильнее пассажиров шатало,
 Только змеи с шипеньем ползли.
 Незнакомая местность предстала
 И змеиные травы пошли.

Канул поезд в пустое пространство.
 Но из вас никому невдомек,
 Если вдруг среди мысли раздается
 Неизвестно откуда — гудок.

ПЧЕЛА

Сухой камыш и мертвый блеск воды,
Пусты туманно-сизые сады.

Пойдут дожди, а там и снег встречай...
Но солнце улыбнулось невзначай.

И под дыханьем позднего тепла
Обманутая вишня зацвела.

Белым-бела!
Но люди в том краю
Угрюмо верили календарю.

И отводили беглые глаза,
Чтоб не будить в душе, чего нельзя.

Но тонкий запах в воздухе сухом
Пчеле навеял небывалый сон.

Я видел вишню — и пока цвела,
Над ней летала сонная пчела.

ОСЕННИЙ КОСМОС

Старинная осень, твой стих изжит,
Твоя сторона пуста.
Ночами под деревом воздух визжит
От падающего листа.

И ветер, донесший раскат зимы,
Все стекла задул в селе.
Деревья потрянуло вон из земли,
А листья — назад, к земле.

Не воздух, не поле, не голый лес,
А бездны меж нас прошли.
Горит под ногами лазурь небес —
Так мы далеки от земли.

Но тише, подруга моя! Жена!
Минута раздумья есть.
То дождь пошел, то почти тишина...
Такого не перенести.

Шел дождь прямой, шел дождь прямой,
Все было прямым, прямым.
Шел дождь прямой, шел дождь прямой,
Внезапно он стал косым.

Все стало косым под косым дождем:
Забор, горизонт, холмы
И дом, потемневший мгновенно дом,
И мы перед ним, и мы!

СНЕГ

Зимний час. Приглушенные гулы.
Снег идет сквозь людей и сквозь снег.
Облепляет ночные фигуры,
Замедляет наш яростный бег.

Друг у друга не просим участия
В этой жизни опасной земной.
Для старинного смертного счастья
Милый друг возвратится домой.

Долго пальцы его ледяные
Будут ключ запропавший искать.
Дверь откроют навстречу родные,
Молча снег он начнет отряхать.

Долго будет топтаться пред светом,
Будут ждать терпеливо его.
Обнажится под тающим снегом
Пустота — никого! ничего!

* * *

Когда песками засыпает
Деревья и обломки плит,—
Прости, природа *забывает*,
Она не знает, что творит.

На полпути почуяв пропасть
И дорожа последним днем,
Прости грядущего жестокость:
Оно придет, а мы умрем...

ВЕТЕР

Кого ты ждешь?.. За окнами темно.
Любить случайно женщине дано.
Ты первому, кто в дом войдет к тебе,
Принадлежать решила, как судьбе.

Который день душа ждала ответа.
Но дверь открылась от порыва ветра.

Ты женщина — а это ветер вольности...
Рассеянный в печали и любви,
Одной рукой он гладил твои волосы,
Другой — топил на море корабли.

* * *

Звякнет лодка оборванной цепью,
Вспыхнет яблоко в тихом саду,
Вздогнет сон мой, как старая цапля
В нелюдимо застывшем пруду.

Сколько молчать! Может, хватит?
Я хотел бы туда повернуть,
Где стоит твоё белое платье,
Как вода по высокую грудь.

Я хвачусь среди замершей ночи
Старой дружбы, сознания и сил,
И любви, раздувающей ноздри,
У которой бессмертья просил.

С ненавидящей, тяжкой любовью
Я гляжу, обернувшись назад.
Защищаешься слабой ладонью.
— Не целуй. Мои губы болят.

Что ж, прощай! Мы в толпе затерялись.
Снилось мне, только сны не сбылись.
Телефоны мои надорвались,
Почтальоны вчистую спились.

Я вчера пил весь день за здоровье,
За румяные щеки любви.
На кого опустили в дороге
Перелетные руки твои?

Что за жизнь — не пойму и не знаю.
И гадаю, что будет потом.
Где ты, господи... Я погибаю
Над ее пожелтевшим письмом.

С бледным лицом возвращаюсь к законной жене.
— Где я напился? На дне, дорогая, на дне.

Верную руку я подал падучей звезде,
Твердую волю доверил бегущей воде.

Нечего больше у доброго молодца взять,
Полно, родная, красивую жизнь поминать.

Мало прошли, но я дальше не вижу пути.
Ты обезумела, я опустился... прости.

Спор держу ли в родимом краю,
С верной женщиной жизнь вспоминаю
Или думаю думу свою,—
Слышу свист, а откуда — не знаю.

Соловей ли разбойник свистит,
Щель меж звезд иль продрогший бродяга?
На столе у меня шелестит,
Поднимается дыбом бумага.

Одинокий в столетье родном,
Я зову в собеседники время.
Свист свистит все сильнее за окном —
Вот уж буря ломает деревья.

И с тех пор я не помню себя:
Это он, это дух с небосклона!
Ночью вытащил я изо лба
Золотую стрелу Аполлона.

Я видел: ворон в небесах
Летел с холмом земли в когтях.

Не дом ли мой блеснул на нем,
Скрываясь в небе голубом?

А с неба сыпалась земля
На ослепленные поля.

И наугад по шуму крыл
Я тень высокую ловил.

Когда кричит ночная птица,
Забытым ужасом полна,—
Душа откликнуться боится:
Она желает быть одна.

Но дико слышать ей от века
Рыданье ветра, хриплый вой
И принимать за человека
Дорожный куст, объятый мглой.

* * *

Не сжалится идущий день над нами,
Пройдет, не оставляя ничего:
Ни мысли, раздражающей его,
Ни облаков с огнями и громами.

Не говори, что к дереву и птице
В посмертное ты перейдешь родство.
Не лги себе! — не будет ничего,
Ничто твое уже не повторится.

Когда-нибудь и солнце, затухая,
Мелькнет последней искрой — и навек.
А в сердце... в сердце жалоба глухая,
И человека ищет человек.

БРЕВНО

Побурело, пропало бревно,
И природа лицо отвернула.
Но приставь к нему ухо: полно
Стрекотания, лязга и гула.

Это возятся, скачут, жужжат
Насекомые — столб насекомых.
Стукни: выбьешь наружу отряд
Металлических, синих, зеленых.

Воплем пилок, щипками щипцов
Заставляют бревно содрогаться.
Я забросил коробку часов,
Она стала жужжать и кусаться.

Завертелась и скрылась в бревне.
И оттуда, как вольный скиталец,
Выползает мертвец в простыне:
— Извиняюсь, мы где-то встречались?!

МУРАВЕИ

Я не знаю ни бога, ни счастья,
Только бревна таскаю, прости.
На земле муравей повстречался
И бревно мне помог донести.

Я дышал в муравьиное темя.
Он по краю стакана ходил,
Из которого в доброе время
Не одну только воду я пил.

Показалось: частицею малой
Сам я вспыхнул на чьем-то краю.
Разве глупая тварь понимала
Одинокую душу мою?

Но края этой бездны ^{неровно} невольны
Преломились в едином луче.
Мы таскали тяжелые бревна
То на том, то на этом плече.

Где он? Дом я достроил до крыши,
Вместо пола и стен — решето...
Были встречи короче и ближе,
Но предела не ведал никто.

* * *

Ночь уходит. Равнина пуста
От заветной звезды до куста.

Рассекает пустыни и выси
Серебристая трещина мысли.

В зернах камня, в слоистой слюде
Я иду, как пешком по воде.

А наружного дерева свод
То зеленым, то белым плывет.

Как в луче распыленного света,
В человеке роится планета.

И ему в бесконечной судьбе
Путь открыт в никуда и к себе.

* * *

Эта песня не нашего края,
И пластинки нигде не достать.
Эта песня такая глухая,
Даже слов невозможно понять.

Но от друга услышал я снова
И, пойми, чуть с ума не сошел.
Пал на скорость с перрона ночного
И тебя за морями нашел.

Ты сказала: — Как поздно ты вспомнил!
Но входи... —

И мы сели за стол.
И тяжелую рюмку я поднял,
И опять чуть с ума не сошел.

И сказала ты, губы кусая:
— Ну зачем, ну зачем вспоминать!
Наша песня такая глухая,
Даже слов невозможно понять.

* * *

Я в поколение друга не нашел,
И годы не восполнили утраты.
Забывтое письмо вчера прочел
Без адреса, без подписи и даты.

Поклонная и мягкая строка
Далекое сиянье излучала.
Его писала женская рука —
Кому, кому она принадлежала?

Она просила участи моей —
Порыв последний зрелости бездомной.
А я не знаю, чем ответил ей,
Я все забыл, я ничего не помню.

Их много было, светлых и пустых,
Которые любви моей искали.
Я вспомнил современников своих —
Их спутниц... нет, они так не писали.

Такой души на свете больше нет.
Забывтую за поколением новым,
Никто не вырвал имени на свет
Ни верностью, ни мужеством, ни словом.

За дорожной случайной беседой
Иногда мы любили блеснуть
То любовной, то ратной победой,
От которой сжимается грудь.

Поддержал я высокую марку,
Старой встречи тебе не простил.
И по шумному кругу, как чарку,
Твое гордое имя пустил.

Ты возникла, подобно виденью,
Победителю верность храня.
— Десять лет я стояла за дверью,
Наконец ты окликнул меня.

Я глядел на тебя не мигая.
— Ты продрогла... — и выпить велел.
— Я дрожу оттого, что — нагая,
Но такую ты видеть хотел.

— Бог с тобой! — и махнул я рукою
На неполную радость свою. —
Ты просила любви и покоя,
Но тебе я свободу даю.

Ничего не сказала на это —
И мгновенно забыла меня.
И ушла по ту сторону света,
Защищаясь рукой от огня.

С той поры за случайной беседой,
Вспоминая свой пройденный путь,
Ни любовной, ни ратной победой
Я уже не пытаюсь блеснуть.

* * *

Выходя на дорогу, душа оглянулась:
Пень, иль волк, или Пушкин мелькнул?
Ты успел проморгать свою чистую юность,
А на зрелость рукою махнул.

И в дыму от Москвы до Каспийского моря
Загулял ты, как бледная смерть...
Что ты, что ты узнал о родимом просторе,
Чтобы так равнодушно смотреть?

ЗАВЕЩАНИЕ

I

Мне помнится, в послевоенный год
Я нищего увидел у ворот —
В пустую шапку падал только снег,
А он его вытряхивал обратно
И говорил при этом непонятно.
Вот так и я, как этот человек:
Что мне давалось, тем и был богат.
Не завещаю — отдаю назад.

II

Объятья возвращаю океанам,
Любовь — морской волне или туманам,
Надежды — горизонту и слепцам,
Свою свободу — четырем стенам,
А ложь свою я возвращаю миру.
В тени от облака мне выройте могилу.

Кровь возвращаю женщинам и нивам,
Рассеянную грусть — плакучим ивам,
Терпение — неравному в борьбе,
Свою жену я отдаю судьбе,
А свои планы возвращаю миру.
В тени от облака мне выройте могилу.

Лень отдаю искусству и равнине,
Пыль от подошв — живущим на чужбине,
Да возьмеет сказанное силу
В тени от облака...

2

ЗОЛОТАЯ ГОРА

Не мята пахла под горой
И не роса легла,
Приснился родине герой.
Душа его спала.

Когда душа в семнадцать лет
Проснулась на заре,
То принесла ему извет
О золотой горе:

— На той горе небесный дом,
И мастера живут.
Они пируют за столом,
Они тебя зовут.

Давно он этого желал —
И кинулся как зверь.
— Иду! — он весело сказал.
— Куда? — спросила дверь.

— Не оставляй очаг и стол.
Не уходи отсель,
Куда незримо ты вошел,
Не открывая дверь.

За мною скорбь, любовь и смерть,
И мира не обнять.
Не воздыми руки на дверь,
Не оттолкни, как мать.

— Иду! — сказал он вопреки
И к выходу шагнул.
Не поднял он своей руки,
Ногою оттолкнул.

Косым лучом насквозь прошел
Простор и пустоту.
В тени от облака нашел
Тяжелую плиту.

Холодный мох с плиты соскреб,
С морщин седых стихов:
«Направо смерть, налево скорбь,
А супротив любовь».

— Хочу! — он слово обронил. —
Посильное поднять,
Тремя путями этот мир
Рассечь или обнять.

Стопа направо повела,
И шел он триста дней.
Река забвения легла,
Он вдоль пошел по ней.

Река без тени и следа,
Без брода и мостов —

Не отражала никогда
Небес и облаков.

И червяка он повстречал
И наступил ногой.
— Куда ползешь? — Тот отвечал:
— Я червь могильный твой.

На счастье взял он червяка
И пронизал крючком.
Закинул. Мертвая река
Ударила ключом.

И леса взвизгнула в ответ
От тяги непростой.
Но он извлек на этот свет,
Увы, крючок пустой.

Не сатана сорвал ли злость?
В руке крючок стальной
Зашевелился и пополз
И скрылся под землей.

Он у реки хотел спросить,
Кого он встретит впредь.
Но та успела позабыть
И жизнь его и смерть.

Он вспять пошел и мох соскреб
С морщин седых стихов

И прочитал: «Налево скорбь,
А супротив любовь».

Стопа налево повела,
И шел шестьсот он дней.
Долина скорби пролегла,
Он вширь пошел по ней.

Сухой старик пред ним возник,
Согбенный, как вопрос.
— Чего хватился ты, старик,
Поведай, что стряслось?

— Когда-то был мой дух высок
И страстью одержим.
Мне хлеба кинули кусок —
Нагнулся я за ним.

Мое лицо не знает звезд,
Конца и цели — путь.
Мой человеческий вопрос
Тебе не разогнуть.

А на пути уже блистал
Великий океан,
Где сахар с берега бросал
Кусками мальчуган.

И спросил он, подходя,
От брызг и соли пьян:

— Ты что здесь делаешь, дитя?
— Меняю океан.

Безмерный подвиг или труд
Прости ему, отец,
Пока души не изведут
Сомненья и свинец.

Дай мысли — дрожь, павлину—хвост,
А совершенству — путь...
Он повстречал повозку слез —
И не успел свернуть.

И намоталась тень его
На спицы колеса.
И тень рвануло от него,
А небо — от лица.

Поволокло за колесом
По стороне чужой.
И изменился он лицом,
И восскорбел душой.

На повороте роковом
Далекого пути
Отсек он тень свою ножом:
— О верная, прости!

Он тенью заплатил за скорбь
Детей и стариков.

Подался вспять и мох соскреб:
«А супротив любовь».

Но усомнился он душой
И руку опустил
На славы камень межевой
И с места своротил.

Открылся чистым небесам
Тугой клубок червей.
И не поверил он глазам
И дерзости своей.

Из-под земли раздался вздох:
— Иди, куда идешь.
Я сам запутал свой клубок,
И ты его не трожь.

Ты всюду есть, а я нигде,
Но мы в одном кольце.
Ты отражен в любой воде,
А я — в твоём лице.

Душа без имени скорбит.
Мне холодно. Накрой... —
Он молвил: — Небом я накрыт,
А ты моей стопой.

Дней девятьсот стопа вела,
Пыль супротив он мёл.

Глухая ночь на мир легла,
Он наугад пошел.

Так ходит запад на восток,
И путь необратим.
От мысли он огонь возжег.
Возникла тень пред ним.

— Ты что здесь делаешь? — Люблю, —
И села у огня.
— Скажи, любовь, в каком краю
Застигла ночь меня?

— На полпути к большой горе,
Где плачут и поют.
На полпути к большой горе,
Но там тебя не ждут.

В тумане дрогнувшей стопе
Опоры не найти.
Закружат голову тебе
Окольные пути.

— Иду! — он весело сказал
И напролом пошел.
Открылась даль его глазам —
Он на гору взошел.

Не подвела его стопа,
Летучая, как дым.

Непосвященная толпа
Восстала перед ним.

Толклись различно у ворот
Певцы своей узды,
И шифровальщики пустот,
И общих мест дрозды.

Мелькнул в толпе воздушный Блок,
Что Русь назвал женой,
И лучше выдумать не мог
В раздумье над страной.

Незримый сторож ограждал
Странноприимный дом.
Непосвященных отражал
То взглядом, то пинком.

Но отступил пред ним старик.
Шла пропасть по пятам.
— Куда? А мы? — раздался крик.
Но он уже был там.

Увы! Навеки занемог
Торжественный глагол.
И дым забвенья заволок
Высокий царский стол.

Где пил Гомер, где пил Софокл,
Где мрачный Дант алкал,

Где Пушкин отхлебнул глоток,
Но больше расплескал.

Он слил в одну из разных чаш
Осадок золотой.
— Ударил поздно звездный час,
Но все-таки он мой!

Он пил в глубокой тишине
За старых мастеров.
Он пил в глубокой тишине
За верную любовь.

Она откликнулась как медь,
Печальна и нежна:
— Тому, кому не умереть,
Подруга не нужна.

На высоте твой звездный час,
А мой — на глубине.
И глубина еще не раз
Напомнит обо мне.

ДОМ

1. ТИХИЙ ЗАРЕВ

На Рязани была деревушка.
В золотые глубокие дни
Залетела в деревню кукушка —
Скромный Филя возьми да взгляни.
А она говорит: — Между сосен
Полетаем, на мир поглядим,
И детей нарожаем и бросим,
На край света с тобой улетим.
О дороге, о жизни, о смерти
Поведем мы потешный рассказ.
Будут слушать нас малые дети,
Мудрецы станут спорить о нас. —
Думу думал Филипп — что за птица?
Взял ружье да ее пристрелил.
Стали сны нехорошие сниться,
Помечтал он и хату спалил.
При честном любопытном народе
Свою душу не стал он смущать.
Поглядел — куда солнце заходит —
И подался край света искать.

Две войны напустили тумана,
Слева сабли, а справа обрыв.
Затянулась гражданская рана,
Пятилетка пошла на прорыв.
Был бы Филя находкой поэта,
Да построил он каменный дом
И завел он семью... а край света —
На Руси он за первым углом.

*

Два сына было у отца —
Удалый и дурак.
Увы, не стало храбреца,
Бывает в жизни так.
И слух неясный, как туман,
Поведал эту грусть,
Что за свободу дальних стран
Он пал со словом: Русь!
Семья сходилась за столом,
И жечь отец велел
Свечу на месте дорогом,
Где старший сын сидел.
Бросала редкий свет она
На стол и образа.
То глупость младшего видна,
То матери слеза.
Недолго младший сын гадал,
Раздался свист друзей,
Уехал, и в Москве пропал
По глупости своей.
Была ль причиной дама пик,
Иль крепкое вино,
Или свалившийся кирпич —
Теперь уж все равно.
«Вертайся, сын... У нас темно», —
Писал в письме отец.
Нераспечатанным оно
Вернулось наконец.
На нем (в окне померкнул свет!)
Стремительной подошвы
Запечатлелся пыльный след,
На облако похожий.
Знать, наугад одной ногой
Попал глупец сюда,

А в пустоту шагнул другой —
И сгинул навсегда.
Еще свечу!.. На две версты
Сильнее свет пошел.
Как от звезды и до звезды,
Между свечами стол.
И два живых лица в ночном,
Два в сумраке ночном.
И скорбь застыла на одном,
А мука на другом.
И этой муки не могла
Родная перевозмочь.
О, далеко она ушла!
И наступает ночь.
О чем, о чем он говорит,
Один в ночном доме?
Еще — одна свеча горит.
О, как светло ему!

Горели три большие зги,
И мудрость в том была.
Казалось, новую зажги —
И дом сгорит дотла.
Старик умел считать до трех,
И мудрость в том была.
Не дай и вам до четырех,
Четыре — это мгла.
Когда о жизни говорят
И речь бросает в дрожь,
Три слова правильны подряд,
А остальные ложь.
Единство только трем дано,
И крепость им дана.
Три собеседника — одно,
Четвертый — сатана.

Три слова только у любви,
А прочие излишек.
Три раза женщину зови,
А после не услышит.
С распутия старых трех дорог
По родине несется
Тот богатырский русский вздох,
Что удалью зовется.

Влетали бабочки из мглы
И шаркали о боль.
Клубились, бились об углы
Огневки, совки, моль.
Бросали свечи вперемиг
Три исполинских тени.
Троился сумрачный старик —
Спиной к моей поэме.

Оставь дела, мой друг и брат,
И стань со мною рядом.
Даль, рассеченную трикрат,
Окинь единым взглядом.
Да воспарит твой строгий дух
В широком чистом поле!
Да поразит тебя, мой друг,
Свобода русской боли!
Зарытый в розы и шипы,
Спит город Тихий Зарев —
Без кабинетов, без толпы,
Без лифта и швейцаров.
Над ним в холодной вышине
Пылают наши звезды,
Под ним в холодной глубине
Белеют наши кости.
Косматый Запад тучи шлет,
Восток сухую пыль.

И мяты запах ноздри жжет,
В ушах шумит ковыль.
В нем жили птицы и жуки,
Собаки и трава,
Стрекозы, воздух, пауки,
Цветы и синева.
Летели мимо поезда
И окнами смеялись.
Шла жизнь, но люди, как вода
В графине, не менялись.

Московский поезд! Тишина.
Неслышно вышли трое:
Мужчина, женщина — она
С ребенком. Стороною
Повеял ветер и затих,
Была заря пустынна.
— Вот дом родителей моих! —
И дверь толкнул мужчина.
Спина. Ночное существо
На бледном полусвете.
— Как жизнь, родитель?

— Ничего,—

Ему старик ответил.

Что в этом слове «ничего» —
Загадка или притча?
Сквозит вселенной из него,
Но Русь к нему привычна.
Неуловимое всегда,
Наношенное в дом,
Как тень ногами, как вода
Дырявым решетом.
Оно незримо мир сечет,
Сон разума тревожит.

В тени от облака живет
И со вдовой на ложе.
Преломлены через него
Видения пустыни,
И дно стакана моего,
И отблеск на вершине.
В науке след его ищи
И на воде бегущей,
В венчальном призраке свечи
И на кофейной гуще.
Оно бы стерло свет и тьму,
Но... тайна есть во мне.
И с этим словом ко всему
Готовы на земле.

— Иван! — опомнился старик,
Не видя никого.
Пред ним ли старший сын стоит
Или сморгнул его.

— Я не один, — сказал Иван, —
Жена и сын.

— Откуда?.. —
Пришел ли гул далеких стран
На родину, как чудо?
Старик не мог судьбы понять,
Стоял и грезил ими.

— Мария! Дочка! Дай обнять...
А это кто?

— Владимир.

Итак, Владимир... Мысль спешит
О нем сказать заране.
Пространство эноса лежит
В разорванном тумане.
К чему спешить? В душе моей
Сто мыслей на весу.

У каждой мысли сто путей,
Как для огня в лесу.
Во мне и рядом — тишина,
Огни и повороты.
Душа темна, душа полна
Трагической дремоты.

Пустынный стол гостей не ждал,
Старик нарезал хлеба.
— А ты свободу людям дал?
— Нет, но открыл им небо.

Бегущий мальчик на дворе!..
О детство, не спешу.
Как шелест листьев на траве,
Простая жизнь души.
Владимир искрою бежал
Поверх цветочной пены.
И шелест листьев возвышал
Угрюмый слух поэмы.
Сиял травы зеленый свод,
Смыкались облака,
Цикады час, кукушки год
И ворона века.

Петух свои хвалы кричал
Шесту и небесам.
— Который час?.. —

Старик ворчал

И подходил к часам.
Он щупал стрелки, циферблат,
Не видя цифр уже.
Глухой эпический раскат
Боль порождал в душе.
Старинный бой, поющий хрип
Дом изнутри заполнил.

«Чу, время, чу!» — махал старик,
И это внук запомнил.

Пространный крик кукареку,
В нем слышен скрип цикады,
Кукушки дальнее ку-ку
И ворона раскаты,
И треск отсохшего сучка,
И промысел органа,
И боль согбенного смычка,
И рокот океана.
Зеркален крик, зеркален крик,
Вот новое мышление!
Девичий смех, предсмертный хрип
Находят выражение.
В нем кровь и радость, мрак и гул,
Стихия и характер,
Призыв на помощь: караул!
И пение проклятий.
Сорви покров с расхожих мест —
И обнажится дно.
Сарынь на кичку, круг и крест
Заголосят одно.

— Часы! — раздался в доме крик.—
Часы остановились! —
Руками вдаль глядел старик —
Концы ногтей слезились.
Роилась бабочка в окне
Неизгладимым звуком.
Ребенок гордо в стороне
Стоял с кленовым луком.
Иван вошел и кинул взгляд:
Из часовой тарелки,
Пронзив кинжально циферблат,
Торчали обе стрелки.

— Зачем ты сделал это зло?—
Спросил у мальчугана.
— Я не хотел, чтоб время шло!—
Ответ потряс Ивана,
И он задумчиво сказал:
— Не знаю, он из добрых.—
(И головою покачал.) —
Но это был бы подвиг —
Мир сделать вечным. Да, малыш,
Хотел добра ты, верю.
Но этим смерть не отразишь,
И грань уже за дверью.

Старик с постели встал чуть свет —
Земле отдать поклон.
С крыльца взглянул на белый свет,
А воздух раздвоен.
Земная даль рассечена,
И трещина змеится;
Цветами родина полна,
Шипеньем заграница.
«Мир треснул»,— Гамлет говорил.
Он треснул наяву
Через улыбку и ковыль,
Сарказм и синеву.
Через равнину и окно
Пролег двоящий путь,
Через пшеничное зерно,
Через девичью грудь.
Разрыв прошел через сады
И осень золотую,
И с яблонь падают плоды
В ту трещину глухую.

Мне снилась юность и слова...
Но старику не спится.

Дрожит седая голова,
Как ветвь, с которой птица
В небесный канула простор,
А та еще трясется...
Однажды вышел он во двор
И не увидел солнца.
— Иван, где солнце?— прохрипел.—
Али я встал стемна?—
Солдат на солнце поглядел.
— Отец, отец, война!

Старик сказал: — Мне снился сон,
Я видел Русь с холма:
С Востока движется дракон,
А с Запада чума. —
Дубовый лист, трава-ковыль
Ответили ему:
— Восточный ветер гонит пыль,
А западный чуму.

Окно открыто на закат,
На дальнюю сосну.
Я вижу, вороны летят,
Не в ту ли сторону?
Европа! Старое окно
Отворено на Запад.
Я пил, как Петр, твое вино —
Почти античный запах,
Твое парение и вес,
Порывы и притворства,
Английский вкус, французский блеск,
Немецкое упорство.
И что же век тебе принес?
Безумие и опыт.
Быть иль не быть — таков вопрос,
Он твой всегда, Европа.

Я слышу шум твоих шагов.
Вдали, вдали, вдали
Мерцают язычки штыков.
В пыли, в пыли, в пыли
Ряды шагающих солдат,
Шагающих в упор,
Которым не прийти назад,
И кончен разговор!

Пускай идут, пускай идут
В твоей, о Русь, пыли.
Они всегда с тебя возьмут,
Что тень берет с земли,
Что решето с воды берет,
Что червь берет с небес.
Народ и ненависть, вперед!
Чуме наперерез.

Дым тихой родины скорбит,
Боярышник застлав.
Состав на станции стоит,
Закрашенный состав.
Сквозь город — был подобен он
Слезящейся скале —
Толпа струилась на перрон.
В немыслимом числе
Мелькали головы, платки,
И речи не смолкали.
Текли, дробились ручейки —
И слезы в них стояли.
Мерцало скопище людей.
Стремглав ходил баян
Туда-сюда среди локтей:
Степанчиков Степан
«Калинку» матери играл,
Но та молчала странно.

Старик во тьму поцеловал
Безмолвного Ивана.
Жена заплакала. Прощай!
До смертного конца
Не опускай, не опускай
Прекрасного лица.
Не говори! Любовь горда!
Не унижай былого.
Пускай умру, но и тогда
Ни слова! О, ни слова.
Придет из вечной пустоты
Огромное молчанье,
И я пойму, что это ты...
Сдержала обещанье.

Гудок — и дрогнула скала,
Блеснул излом разлуки.
Текли глаза, глаза, глаза,
Струились руки, руки.
Махал перрон, махал состав,
В руках рука тонула.
От тесноты один рукав
Задрался — и мелькнуло
Стенанье — «Не забуду мать
родную!» — на руке.
Владелец выколол, видать,
В мальчишеской тоске.
Ответный вопль пронзил туман,
А чей — не разобрать.
Прощай, Степанчиков Степан!
Узнала руку мать.

Мелькали мимо поезда,
Гудя на поворотах,—
Туда-сюда, туда-сюда:

Так на конторских счетах
Костяшки мечет инвалид,
Ведя расход-приход:
Ушел, пришел, летит, лежит —
Контора знает счет.
Число, ты в звездах и в толпе!
Огонь сечешь и воду.
Сквозняк зеркал сокрыт в тебе...
Герой, скажи народу —
И слово тысячами лиц
Мгновенно распахнется.
«Назад ни шагу!» Этот клич
По родине несется.

Еще не вся глава, мой друг,
Одну черту, не боле.
О младшем сыне ходит слух,
Как перекасти-поле.
Закон не писан дураку,
А случай и судьба.
Состав, идущий на Баку,
Щелкнул его сюда.
— Отец! — он кликнул старика,
Шагая напрямик
Через забор.—Встречай—Лука. —
И задрожал старик.
Не голос чей ли прозвенел?
О, это голос редкий...
Иссохший яшень зеленел
Единственной веткой.
Лука вернулся наконец —
Скиталец недалекий!
И руки вытянул слепец.
— Ты где?—

А мир широкий.
Уж сын под ясенем стоит.

К нему навстречь пошел
И — обнял дерево старик,
И гладил долго ствол.
— Ты вырос, вырос, сосунок.
Ты вспомнил об отце.
Ты где гулял? Сынок, сынок...
Морщины на лице!

Он погулял, он погулял
У самой крутизны
И тоже к ясеню припал —
С обратной стороны.

2. БИТВА СПЯЩИХ

Земля в огне, земля во мгле...
Фашизм приносит весть:
Нет воли к жизни на земле,
А воля к власти есть.
Восточный хаос не родит
Ни звезд, ни высших дум.
Добрыни нет, Обломов спит,
А Тюлин пропил ум.
Приказ велит: стереть славян,
Пространство распахать!
Шумит великий океан?
Прикладами прогнать!

Дороги дыбом. Скрип подвод.
Плач женщин, мгла небес.
Двоится блеск, излом ползет
На Северный Донец.
На том Донце ни лечь, ни встать,
Дома без глаз и стен.

Степан загнул: — Едрена мать! —
А Влас сказал: — Где плен?

Связной пришел среди огня —
Обугленная тень:
Стоять три ночи и три дня
И весь четвертый день.
И полк три ночи и три дня
И весь четвертый день
Стоял огнем среди огня
И превратился в тень.
Настала ночь...

Огонь и мрак
Змеились по полям.
Эх, закурить бы! А табак
С землюю пополам.
Табачный дым горчил как мед
Иль сон о санитарке.
Из тьмы ударил пулемет
На огонек сигарки —
Так мошкара на свет валит
И на огне сгорает.
А что за сила ей велит,
Ночная тварь не знает.
Есть эта тайна у живых,
Но людям не понять:
Какая сила тянет их
Друг друга убивать.

О человеке и земле
Бытует притча ныне:
Стрелял четырежды во мгле
Стоящий на равнине.
В четыре стороны земли
Ушли четыре пули,

Однако цели не нашли
И землю обогнули.
Ждала удача молодца...
Но все четыре пули
Пришли с обратного конца
И круг на нем замкнули.
Упал герой и нелюдим
И счеты свел со светом...
Земля одна и ты один,
Не забывай об этом.
Курится кладбище, кресты,
Холмов нецелый ряд.
Блестит река, песок, кусты,
Размыты крыши хат.
Звезда последняя бледна.
Темнеют рвы по склону.
На полном фронте тишина...
Держите оборону,
Трофим Измestьев, Поздняков,
Степанчиков, Козьмин,
Ахтырский... черный блеск... Сивков,
Пол-Мустафы, Эмин...
Удар — по склону навскосок
Свинцовый блеск, туман.
Во рту, в ушах, в глазах песок...

*

В шкафу звенит стакан.
Удар — и содрогнулся дом,
Стены как не бывало.
Фугас оставил свой пролом
До самого подвала.
— Не надо,— прохрипел старик,—
Не надо столько света...—
Ему блеснул последний миг —
Не зеркало ли это?

Жена сияла перед ним —
Из-под ее руки
Он бил штыком...

Хрипенье, стон,

Уж четверым не встать.
Сошел на них огромный сон,
Что дважды два есть пять.
Как тьма разодраны уста.
— Ура! — гремит по краю.
— За нашу Родину! За Ста...
— Степан, ты жив?

— Не знаю. —

Степану снился беглый сон:
Он над водой возник,
Поток отбрасывает вон
Его упавший лик.
Степану снилась глубина,
Недвижная веками.
Но ускользала и она,
С луной и облаками.
Мелькала тьма со всех сторон,
Приклад горел в ладони...
Трофиму снился хмурый сон:
Он спит в горящем доме.
Огонь струится по глазам,
Жены нет рядом — дым.
А он кричит глухим стенам:
— Проснитесь! Мы горим! —
Бежал как тень среди смертей,
Огня, земли и стали.
А слезы плачущих детей
Сквозь стены проступали.
Пространство бросить не дано,
В котором мы живем.
Объято вечностью оно,
Как здание огнем.

Долине снятся тополя,
Красавице — кольцо,
Устам — стакан, зерну — поля,
А зеркалу — лицо.
Врывалась в эти сны война,
И крови смрад, и пламя.
И та и эта сторона
Усеяна телами.

Не проходи, мой брат, постой!
Еще дрожат их руки
И воздух тискают пустой,
Как грудь своей подруги.
Еще свободный дух скорбит
Над жизнью молодой.
Душа мечтателя стоит,
Как цапля над водой.

На солнце танк горит пятном.
Скатился камень жгучий —
Танкист, охваченный огнем,
Как дом травой ползучей.
Горел танкист среди бела дня,
И догорел танкист.
Переметнулся клок огня
На прошлогодний скирд.
И мыши прыснули на свет —
Несметное число.
И дезертир за ними вслед,
Поскольку припекло.
И снова танки! Склон изрыт
Снарядами. Деревья
Бегут от ужаса. Горит
Окраина деревни.

Во тьме твоей, двадцатый век,
Не исследить печали!
В разбитом доме человек
Играет на рояле.
Так далеки от чистых нег
Военные печали.
С ума сошедший человек
Играет на рояле.
Один за всех иль против всех...
Уж стены запылали.
Полубитый человек
Играет на рояле.
Удары сыплются вокруг —
И в клочья разметали.
Но кисти рук, но кисти рук
Играют на рояле...

Накрыл Ивана смертный дым...
И враг простер ладонь:
— Такой народ непобедим.
Но с нами бог... Огонь!

Пришло письмо на старый дом,
Но черное как снег,
Письмо изломное о том,
Что человека нет.
Ушел из мира человек,
Оставил солнцу тень,
Огню туман, бродяге снег,
А топору кремень,
Осенней буре листопад,
Долине тишину,
Слезам платок, звезде закат,
Ночному псу луну.

3. ЗЕРКАЛО

Распахан танками Восток
И город Тихий Зарев.
Иван-да-марья жил цветок,
Осталась только Марья.
Во мгле оплакала она
Горячую разлуку.
И скоро солнце и луна
Позолотили муку.
Дом пустовал с того утра —
Угроза прихотлива.
Фугас окрестных три двора
Опустошил без взрыва.
А на стене, как божий свет,
Забрезжило зеркало.
Взорвется бомба или нет?..
Но зеркало молчало.

Мелькали в зеркале века,
И плыл планетный шар,
Метель, холмы и облака,
Береза и анчар.
Кривой монгол, стальной тевтон
Легли на нем слоями.
Повел на Родину масон
Огромными ноздрями.
И отразился декабрист,
И с топором студент,
Народоволец и марксист,
И тот интеллигент,
Перед которым, заблестав
В тумане золотом,
Возник изысканный жираф:
— Россия, твой фантом! —

Сошел Февраль, вскипел Октябрь
Гранеными зрачками.
Погнало пенистую рябь
По зеркалу клочками.
Уму и поиску ломоть
Продиктовал веленье:
Стране закон, идее плоть,
Искусствам направление...
Страна в огне, страна во мгле,
Фашизм приносит весть:
Нет воли к жизни на земле,
А воля к власти есть.
Поразрешетился весьма,
Погнулся русский двор.
Мелькали галки сквозь дома,
А танки — сквозь забор.

Пришла соседка:— Ой, беда!
Я видела живьем,
Мертвец Иван идет сюда.
Он близко —

за холмом. —

Мария кинулась навстречь
Дорогой распростертой.
И полилась родная речь:
— Живой ты али мертвый?
Коли живой, то прикажи,
Чем утолить тебя?
А коли мертвый, то скажи,
Чем исцелить тебя?

Не плачь, любезная жена!
Супруг бежал из плена.
Земля одна и ты одна,
И встреча сокровенна.
Опасный путь ему лежал.

Скрываясь от погони,
Он из-под Харькова бежал
С проводником в вагоне.
Где тот безвестный проводник —
Иван вослед не глянул.
Как тень в зеркале он возник
И тенью так и канул.

Иван сказал: — Молчи, жена.
Иван свое возьмет.
Подай зеленого вина —
Узнаю: жив аль мертв.
Не причитай — недолог срок,
Не тяжели души.
Но чтобы голос твой не смолк,
О сыне расскажи...

Блеснуло Марьино кольцо
Или на солнце камень —
Ударил в пыльное лицо
Далекий чистый пламень.
Иван прикрыл рукой глаза,
А во поле сверкает.
— Откуда свет — смотреть нельзя?
— То зеркало сияет.

Из уцелевшей глубины
Невидимого дома
Оно сияло со стены
Покойно и бездонно.

— А ведь под зеркалом тайник,—
Сказал Иван.

— О, боже!

Ты там взорвешься через миг...

— Иль позже. А надежней
На свете места не найдет
Сам черт наверняка.
Туда никто не подойдет...

Но подошел — Лука.
Чихая, он залез в пролом.
— Эхма, пропала хата!—
Потрогал бомбу сапогом
И сел напротив брата.
— Пришел открыться как судьбе,
Прости меня, братан.
Я проболтался о тебе.
— Донес?— сказал Иван.
Лука вздохнул: — Я известил!.. —
И тень его исчезла.
Эсэс огулом оцепил
Опасливое место.
— Пиши, Лука, — сказал эсэс, —
Такое: «Выходи,
Или твоим не жить!» Вот здесь,
Ребенку на груди.
— Хитро придумал, басурман,
Но крик подать не хуже.
— Письмо есть мистика, болван!
Оно приводит в ужас.

Сошла к Ивану тень в пролом.
— Владимир? Вот те на! —
А по Владимиру углем
Кривые письма.
Иван все понял: час настал,
Иному и не быть.
Ребенок мысли угадал
И медлил уходить.

— Отец, возьми, он был со мной,—
И протянул кинжал.
— Он... деревянный!

— Нет, стальной! —
Родитель задрожал.
Чужие слышались шаги,
Он деревяшку поднял.
— Святой простак... Побереги!—
Поцеловал и отдал.
Обочь фугас дремал в пыли...
Казалось, только тронь —
И полыхнет из-под земли
Спрессованный огонь.
— Я не хочу нисколько жить! —
Заплакал мальчик звонко,
И стал о бомбу колотить...
О, кулачки ребенка!

Прощай, родная сторона,
Дай горсть от милой пыли!
Блеснула в зеркале спина,
Ивана уводили.
Не плачь, жена. Любовь горда!
Увидимся ли снова?
Но жизнь сказала: никогда!
Печально это слово.
К нему ключей не подобрать
И лбом не прошибить.
Умом упорным не понять,
Но сердцем не избыть.
Загадка сфинкса и числа,
Обмен или обман.
Оно для старости — скала,
Для юности — туман.
В нем слезы первые любви
И брачный стон наутро.

Напрасны жалобы твои,
Пришедший ниоткуда.
Стоит раздумье на пути
Встревоженного духа,
Как будто бьется взаперти,
Стекла не видя, муха.

*

Пою народный монолит,
Отец, и внук, и сын.
Душа, как зеркало, глядит
На тусклый свет руин.
На землешцев и солдат
Великого народа,
Что развернули на закат
Фашистского урода.
Ушел на Запад шум шагов,
На край иной земли.
Померкли язычки штыков,
И вишни расцвели.

Был полк вином победы пьян
И верностью подруг.
Пришел Степанчиков Степан,
Но без обеих рук.
Пропали руки на войне.
Осталось от стенанья
На левой культе только «Не...»
— Вот образ отрицанья!

Победа! Сталин поднял тост.
Возник перед зеркалом.
«Я пью!..» — ему он произнес —
И чокнулся бокалом.
И гром по свету разнесло.

Я видел Русь с холма:
Мария плакала светло,
И строились дома.
Поэма презирает смерть
И утверждает свет.
Громада времени, вперед!
Владимир, твой черед.

СОДЕРЖАНИЕ

I

«Орлиное перо, упавшее с небес...» . . .	7
«Бывает у русского в жизни...»	8
Четыреста	9
Колесо	15
Возвращение	16
Гимнастерка	17
Отец космонавта	18
«Над родиной встанет солнце...»	20
Дуб	21
«Его повесили враги...»	22
Бабочка	23
Авось	24
«О миг! Это камень проснулся...»	25
Горные камни	26
Кактус	27
«Глядишь на небо в час ночной...»	28
Цветы	29
Памяти космонавта	32
Отцепленный вагон	33
Отцу	34
Возмездье	35
Раздумье	36
Ориноко	37
«Вчера я ходил по земле...»	38
«Гулом, криками площадь полна...» . . .	39
Родство	40
Водолей	41
Детское признание	45
Смутная мысль летом в горах	46

«Слезы вечерние...»	47
Диван	48
Атомная сказка	49
Грибы	50
«Живу на одной половине...»	51
Между двух поездов	52
Земля под ногтями	53
«На склоне вереск...»	54
«В чистом поле гигант...»	55
Баллада об ушедшем	56
Яблоко	57
Последние кони	58
«Завижу ли облако...»	59
«Из земли в час вечерний...»	60
Сотни птиц	61
Хозяин разошедшегося дома	62
«Все сошлось в этой жизни...»	63
Любовь	64
Мужчина и женщина	65
«Пошла ты по красному лету...»	66
Чужая страсть	67
Баллада о старшем брате	68
Тридцать лет	71
Посещение	72
Мел	73
«Нет в городе весны...»	74
Змеиные травы	75
Пчела	76
Осенний космос	77
Снег	79
«Когда песками засыпает...»	80
Ветер	81
«Звякнет лодка оборванной цепью...» . . .	82
«Ты чужие слова повторяла...»	84
«Твое тело я высек из света...»	85
«С бледным лицом...»	86

Поэт	87
Холм	88
«Когда кричит ночная птица...»	89
«Не сжалится идущий день над нами...»	90
Бревно	91
Муравей	92
«Ночь уходит...»	93
«Эта песня не нашего края...»	94
«Я в поколенье друга не нашел...» . .	95
«За дорожной случайной беседой...» .	96
«Выходя на дорогу, душа оглянулась...»	98
Завещание	99

II

Золотая гора	103
Дом	112

ЮРИЙ ПОЛИКАРПОВИЧ КУЗНЕЦОВ

Край света — за первым углом

Стихи и поэмы

Редактор **Ю. Никоничев**
 Художник **И. Захарова**
 Художественный редактор **Б. Мокин**
 Технический редактор **Л. Анашкина**
 Корректор **М. Доценко**

Сдано в набор 4/II-1976 г. Подписано к печати 22/IV-1976 г. А12666. Формат изд. 70×90¹/₃₂. Бумага для глуб. печ. Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 5,27. Уч.-изд. л. 4,00. Тираж 18 000 экз. Заказ № 832. Цена 50 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
 390012, г. Рязань, ул. Новая, 69/12
 Рязанская областная типография

50 ROLL.

111
112